

Сергей Прокудин

Несчастный случай

16+

Сергей Юрьевич Прокудин

Несчастный случай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38271714

SelfPub; 2018

Аннотация

Размеренную жизнь подразделения военного училища нарушает гибель одного из курсантов. Обстоятельства указывают на несчастный случай, но череда событий, происходящих на фоне курсантской жизни конца 90-х годов, неумолимо подталкивает героев к иному выводу.

*Все действующие лица и события вымышлены.
Любой совпадение с реальными лицами или
событиями являются случайными.*

Февраль 1998 года.

Глава 1

1.

–Коншов! – Вадим прошел по отчаянно скрипящему под кирзовыми сапогами паркету и распахнул дверь в 722 комнату, – Леха, твою мать, ты когда на тумбочку выйдешь?

Леха Коншов неторопливо оторвался от тарелки, наполненной дымящейся вареной картошкой.

–Ты чего, подождать не можешь? – проговорил он с набитым ртом.

–Могу, отчего же не мочь. Только давай быстрее. Андрюха тоже ушел, а мне уже скоро спать, между прочим. Да еще поесть чего-нибудь надо, – Вадим помолчал, наблюдая за сосредоточенно жующим Алексеем, – В общем, быстрее давай!

Они стояли в суточном наряде по 43 курсу. Смысл наряда заключался в том, чтобы торчать в холле седьмого этажа и встречать проверяющих офицеров. А еще отвечать на телефонные звонки. Ну и, конечно, убираться в общих помещениях курса. Вообще-то, согласно Уставу внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации, обязанностей у суточного наряда было гораздо больше, но по сути своей все сводилось к трем вышеперечисленным пунктам. Самой

важной обязанностью дежурного по курсу был контроль за наличием и состоянием личного состава курса в количестве ста двадцати человек. Дежурным в этот вечер заступил Андрей Линев, а дневальными Вадим Дмитров и Алексей Коншов.

Суточный наряд потому и называется суточным, что находится на своем посту и ночью, и днем. Дневальным предстояло разделить ночь пополам, дабы нести службу посменно. Дежурный же сидел за своим столом всю ночь, а отдыхал утром. Первую половину ночи выпало стоять Коншову.

Вадим вышел из коридора и сел за стол дежурного. Помещение 43 курса располагалось на седьмом этаже восьмиэтажного здания нового общежития четвертого факультета и состояло из трех частей. Первая, центральная часть, холл. Здесь располагалось место наряда и канцелярия. От холла в разных его углах отходили два коридора. Здесь, в крыльях здания рядами располагались комнаты, в которых по трое-четверо проживали курсанты 43 курса. Сейчас они были частично в увольнении. Имевшиеся же в наличии люди занимались категорически запрещенным делом – готовили еду на контрабандных электроплитках. По этому поводу начальником училища периодически выпускались грозные приказы, сулящие страшные кары тем, кто ставит общежития с их, мягко говоря, не очень современной электропроводкой, под угрозу пожара. Плитки изымали, ломали, но они все равно появлялись с завидным постоянством. Постоянство это

объяснялось, пожалуй, просто: курсанты хотели кушать. Начальство, в целом понимая это желание, предложило им ходить в столовую, как на первом и втором курсах, когда они еще проживали в казарме. Но это благое начинание встретило единодушный отпор. Да и то верно, кто же будет ходить в курсантскую столовую и есть тамошнюю малосъедобную пищу, опостылевшую за два казарменных года, когда в комнате можно приготовить себе роскошный ужин, пусть даже и с риском попасть на карандаш начальнику курса. Опять же, просыпаться на полчаса раньше утром или одеваться по полной форме вечером ради завтрака и ужина мало кому хотелось.

Вадим ощутил под ложечкой неприятное посасывание. Он посмотрел на часы и с удовлетворением отметил, что неотвратимо приближается время его отхода ко сну. Шурик Галкин, его сосед по комнате, только что закончил жарить картошку и Вадим с удовольствием представил, как он плотно поужинает, перед тем как завалиться в кровать. Эту радужную перспективу несколько омрачало то, что в три часа ночи придется подниматься и выходить на тумбочку, но, в общем, все было не так уж плохо. С легким вздохом он констатировал, что до счастливого мига остается еще пятнадцать минут.

Вадим вытащил из стопки сложенных на столе красных папок, с документацией дежурного по курсу, «Книгу вечерней поверки» и принялся заполнять ее на новый месяц, то и

дело сверяясь с уже заполненными страницами. «Книга вечерней поверки» представляет из себя журнал, вроде тех, что каждый из нас видел в школе на учительском столе. Здесь под номерами идут фамилии и инициалы всех курсантов курса, а напротив идут графы, соответствующие числам месяца. Таким образом, выходит, что заполнять эту книгу надо каждый месяц. Новый месяц февраль как раз и открывался сегодняшним нарядом, поэтому дежурный поручил эту почетную миссию Вадиму.

Примерно через полтора часа пройдет вечерняя поверка. Она, в зависимости от того, придет на курс проверяющий или нет, может быть выполнена в двух вариантах. Законный вариант заключается в том, что курс построится в холле, а старшина будет читать все фамилии, ожидая ответа от находящихся в наличии или, если лица эти отсутствуют по уважительным причинам, ответа их командиров. Второй вариант, совершенно нелегальный, но гораздо более человечный вариант, заключается в том, что ближе к 22 часам к дежурному выйдет, почесываясь, старшина, в неуставном свитере на нижнее белье, и командиры групп. Вместе они прикинут, кто где находится и поставят отметки в «Книге вечерней поверки». Но такой чудесный способ использовался лишь в том случае, если проверяющие не предвиделись. Впрочем, он использовался все-таки чаще, чем первый, несмотря на то, что имелась реальная опасность приобрести проблемы с начальником курса. Вот и сегодня дежурным по общежитию засту-

пил неплохой офицер, который старался не утруждать себя утомительными обходами этажей. А значит, проверка будет проходить по сокращенному плану.

К тому времени, когда на тумбочку вышел Леха Коншов, Вадим уже заканчивал писать список личного состава. Леха с размаху опустился на стул и бросил на стол перед собой ремень и шапку.

–Блин, там фильм классный идет, а ты хреновиной всякой занимайся!

–Что за фильм? – Вадим с удовольствием оторвался от журнала и отложил ручку.

–Да детектив.

–Крови много?

–Нормально!

–А давно идет?

–С полчаса.

–Это хорошо. Значит еще не поздно начать смотреть. В общем, я пошел. Список вот, допиши. И смотри, раньше чем без пяти три не буди.

–В половину разбужу.

–Я тебя загрызу тогда... Ладно, пошел я. – Расстегивая на ходу ремень, Вадим двинулся к комнате.

2.

Едва Вадим распахнул дверь 717 комнаты, как в нос ударил сладостный запах жареной с чесноком картошки. Шурик

и вправду не подкачал. Запах чем-то напоминал жареную курицу и еще что-то совершенно невообразимое. Вадим с удовольствием втянул воздух и плотно закрыл за собой дверь. Зимой в общежитии было не слишком тепло, а в холле и коридорах и вовсе откровенно холодно, так, что наряд иной раз одевал по ночам бушлаты. Им же повезло с комнатой. Она была на удивление теплой, так что даже не приходилось отапливать ее всякими обогревателями, которые, кстати, тоже были запрещены. По телевизору и впрямь шел какой-то детективный боевик. На экране неслась машина, в которую кто-то стрелял, а перед самым экраном сидел Шурик и трескал жареную картошку, обильно полив ее кетчупом, вприкуску с толстыми ломтями черного хлеба.

– Слушай, к такой картошке только стакана не хватает. – Вадим плюхнулся на свою кровать и принялся стаскивать сапоги.

– Угу, – нечленораздельно промычал Шурик, не отрываясь от телевизора.

– Чего показывают-то? – Вадим развесил портянки на сапогах и принялся освобождаться от надоевшей за день формы.

– Да тут, короче, мужики с мафией воюют.

– Понятно. – Вадим обул тапочки и налегке отправился в ванную.

Комнаты в общежитии хотя и были меньше по площади, чем комнаты в других общежитиях училища, единодушно

считались лучшими. Дело в том, что уменьшение площади происходило оттого, что в каждой комнате был собственный санузел. В других общагах в туалет надо было идти в конец коридора, а здесь он был в двух шагах за стенкой. С собственной квадратной ванной и душем, из которого иногда даже шла горячая вода. Для не избалованных людей, комнаты были просто роскошны. А по-настоящему оценить эту роскошь могли лишь прожившие два года в казарме курсанты.

В комнате имелась ванная (она же туалет), кладовка, короткий коридорчик, образованный этими помещениями и, собственно, комната, где умещались два стола, две двухъярусные кровати и даже еще оставался полутораметровый проход к окну. Если учесть, что из четырех человек здесь постоянно проживали только трое, становится понятно, что о лучших условиях не приходилось и мечтать.

Вадим, фыркая, умылся, и вышел из ванной. Сел к столу и, приподняв крышку сковороды, вдохнул густой аромат.

–Ох, хороша! – вырвалось у него, – Слушай, Шурик, а у нас, часом, чесночка нет?

–Нет, весь туда изрезал. Его и оставалось-то две дольки.

–Жалко. А очень хочется.

–Сходи к Максусу. У него вроде был. Может даст...

Вадим подумал несколько секунд.

–Схожу. В падлу, но схожу. Очень уж хочется.

Он вышел из комнаты и, шаркая тапочками, отправился

в соседнее крыло. Выйдя в холл, он увидел Леху, курившего на площадке лестницы и сосредоточенно разглядывавшего выкрашенную в желтый цвет стену. Возвращаясь через несколько минут с тремя дольками чеснока, довольный Вадим остановился в малом холле, где несколько человек, вытащив из комнаты видак, смотрели комедийный боевик. Вадим стоял практически у самого выхода в большой холл. Там раздался телефонный звонок и Леха Коншов протопал своими «кирзачами» к тумбочке, где стоял телефон. Вадим двинулся в свою комнату, пересекая холл.

«Задержишься?..» – невольно ловил он обрывки телефонного разговора, – «Ладно я скажу. А когда?.. Ладно..»

«Кто-то из увольнения опаздывает» – механически подумал Вадим.

Через полчаса, плотно поужинав, он завалился на кровать, чтобы досмотреть детектив, идущий по телевизору и заснуть. Надо было все-таки помнить, что в три часа его ожидала тумбочка, дежурные, проверяющие и еще целый день суеты и хлопот. И при этом он не доспит порядка трех часов из положенного ему отдыха. И три часа эти, никто ему не возместит...

3.

Дежурный по училищу отложил авторучку.

–Значит так, товарищ капитан, на 44 курсе у вас непорядок. У дежурного лицо какое-то помятое. Сдается мне, что

наряд спит самым наглым образом. Так что проследите. Запись делать не буду, но все-таки...

—Прослежу, товарищ полковник, — розовощекий капитан, через плечо дежурного, пристально всмотрелся в запись в журнале.

—Хорошо. Сообщите в штаб, что я выхожу для осмотра второго общежития.

Полковник встал и застегнул верхнюю пуговицу шинели. Неторопливо вышел из «аквариума», застекленной выгородки, построенной в холле первого этажа общежития №3, прямо перед входной дверью, специально для размещения наряда. Выходить в мороз и вьюгу не хотелось, но выбора не было. Полковник решительно распахнул дверь и шагнул в промерзлый фанерный предбанник. Стоило ему легонько толкнуть наружную дверь, как порыв холодного ветра распахнул ее и забросил в лицо офицеру взвихренный колючий снег.

«Черт! Ну и погода, раздери ее!» — подумал он и шагнул в крутящуюся белую пелену, — «Ладно, сейчас второе пройду и до штаба...»

Мысль о скором отдыхе придала сил. Представилось заднее помещение «аквариума» в штабе, с топчаном и раскаленной электропечкой. От этого даже стало немного теплее. Полковник с легкой завистью подумал о двух своих помощниках, которые сидят сейчас в этой благодатной теплоте и не имеют никакой служебной надобности таскаться по снегу, наметенному за ночь, по морозу, леденя на резком вет-

ру. Постояв секунду, он двинулся к углу общежития. Стоило ему показаться из-за кирпичной залепленной снегом стены, как сбоку яростно ударил порыв ветра, едва не повалив офицера с ног. Он поскользнулся на разметенном льду и едва не упал.

«Черт!» – еще раз выругался он.

И тут взгляд его наткнулся на какую-то темную, но уже почти заметенную снегом массу, лежащую практически рядом с ним. Это был явный беспорядок, так как здесь, возле этой стены никакой массы не могло быть по определению – каждый день целое отделение курсантов вычищало снег до самого намерзшего на асфальт льда и посыпало площадку перед общежитием песком. Так что если тут что-то и могло валяться, так это мусор, который нерадивые курсанты иной раз выбрасывали из окон, ленясь сходить до контейнеров. Однако что-то выглядело странно. Если это и был мусор, то целый мешок, а такое тоже нечасто встретишь.

Полковник подошел поближе по скользкой поверхности льда, балансируя руками и сопротивляясь порывам острого ледяного ветра. Всмотрелся. Эта темная масса была человеком! Снег медленно заметал очертания фигуры, распластавшейся на льду. Летящие снежинки таяли, с размаху попадая в темную лужу, расплывавшуюся по земле...

Офицер осторожно потянул на себя рукав куртки, думая, что это, может быть пьяный курсант, так и не дошедший до родной комнаты. Такие случаи бывали. Тело медленно пере-

катилось на спину и на полковника глянули мертвые остекленевшие глаза на разбитом лице...

Глава 2

1.

–Вставай, – кто-то потряс Вадима за плечо.

Он с трудом разодрал глаза и в тусклом свете, проникающем в комнату из полуоткрытой двери увидел темную фигуру.

–Вставай, вставай. Время...

–Угу, – промычал Вадим и принялся поднимать свое тело с кровати.

Это процедура была совсем нелегкой. Тело хотело спать и было невыносимо тяжелым. Голова, словно ватная. И вообще, состояние – хуже не придумаешь.

Фигура уже удалилась. Поднявшись, наконец, со скрипящей кровати Вадим босиком прошлепал в туалет и плеснул в лицо холодной водой. Предметы вокруг стали приобретать знакомые очертания. Недобрым словом помянув ночную службу и наряд, он вернулся к кровати и, нащупав в темноте хэбэшку, принялся одеваться. Минут через семь, натянув сапоги, он вышел в коридор.

Стук кирзовых сапог по старому паркетному полу гулко разносился в тишине коридора. Волоча за собой ремень, Вадим повернул за угол и вышел в холл. Здесь его сразу охватили смутные подозрения. Что-то было не так. Андрей Ли-

нев сидел за столом и смотрел прямо перед собой, уставившись в одну точку. Леха нервно прохаживался туда-сюда.

–Иди, Леха... – Вадим застегнул ремень и надел шапку, – Поспи...

–Да какой там!.. – Леха раздраженно махнул рукой, – Тут такие дела!

–Чего за дела такие?

–Да ты понимаешь, Мороз позвонил вечером и сказал, что из увольнения опоздает. Ну, Андрюха вместе с Добрым его отметили в книге. – Леха нервно перебирал пальцы, – А недавно позвонили и всех дежурных вниз вызвали... Там, на углу Мороз лежит, разбился он. Наверное, по балконам пытался залезть и упал...

–Е-е-понский городской! – протянул Вадим, – Вот теперь нам кранты...

–Ну ты представляешь, полез по балконам в такой мороз? Крышу сорвало что ли... – Леха был явно расстроен.

На то были свои причины. В принципе, ни Вадиму, ни даже Лехе, хоть это была и его смена, ничего не угрожало. Не считая того, конечно, что теперь на курсе будет заседать все начальство, какое только можно придумать, какие-то особенные неприятности им не грозили. Другое дело Андрей Линев, дежурный по курсу, старшина Володя Добров, по кличке Добрый, а также командир взвода и отделения погибшего – насчет них можно было смело сказать, что они здорово влипли. Если Денис Морозов, которого Коншов

назвал Морозом, всего лишь попался на самоволке им бы было плохо. Но он погиб. А это значило, что и им, да и всему курсу будет плохо по-настоящему...

Однако была у Лехи и своя, личная причина расстраиваться. Дело в том, что Морозов был его другом. Об этом знали все на курсе. Они вместе сидели на занятиях в аудиториях, вместе ходили на дискотеку, вместе гуляли в увольнениях. И нелегко было теперь Алексею Коншову воспринять трагическую и нелепую гибель Морозова.

–Блин! Ну почему я его не отговорил? – сказал Леха куда-то в пустоту.

Вадим подумал, что Леха теперь так и будет корить себя за свою ошибку, невольно чувствуя свою вину в смерти друга. Ведь мог бы и отговорить...

–Брось! – подойдя к Коншову, он положил руку ему на плечо, – Можно подумать, если бы то сказал ему, чтобы он шел на курс, он бы тебя послушал и не опоздал бы.

–Не слушал бы...

–Вот и я говорю. Так что не казись, а иди и ложись. Днем нам тут всем кранты будут.

Леха ушел. Вадим подошел к дежурному и уселся на стул рядом.

–Все Вад, мне теперь писец... – обреченно проговорил Андрей, по-прежнему не сводя глаз с какой-то только ему заметной точки на стене.

Вадим промолчал. Да и было бы глупо начать сейчас уте-

шать и говорить, что ничего страшного не произошло. В обязанности дежурного по курсу входит совместная со старшиной проверка личного состава вечером, с последующим отчетом дежурному по общежитию. Далее доклады шли дежурному по факультету и по училищу. Если кто-то отсутствовал на вечерней поверке – это обязательно должно было быть выявлено. Так что информация об отсутствии Морозова уже пять часов должна была быть у всех вышестоящих дежурных. Должны были быть организованы поиски, на курсе уже находился бы начальник. В общем, был бы самый настоящий шухер.

Но на деле ничего такого не случилось. Морозов позвонил и сказал Лехе, что он задержится из увольнения. Эта была довольно обычная практика. Дежурный, старшина и командиры взвода и отделения знали о его отсутствии, но дружно скрыли этот факт, дабы не подводить товарища. Ну, задержался, обычное дело. Что ж поделаешь, если парню не хватает времени чтобы закончить свои дела за забором училища! И самое главное, что обычно ничего и не случалось. Человек приходил поздно, перелезал через забор, минуя КПП. Ждал момента, когда дежурный по общежитию отлучится из аквариума, и проскальзывал на лестницу. Помощники дежурного по общежитию, такие же курсанты, ничего против не имели.

Самое худшее, чего можно было бы ожидать от такого ночного рейда – что где-нибудь на пути к общегаге гулену при-

хватит патруль. В этом случае, конечно, все вылезет наружу. Но в этот раз все сложилось значительно трагичнее.

Курсант Морозов, возвращаясь в общагу, почему-то не пошел через дверь, как все. Может быть, дежурный никуда не уходил, может еще по какой-то причине, но он выбрал путь через балконы. Выбор рискованный, особенно учитывая мороз, ветер и восьмой этаж. Но Морозов был хорошим спортсменом и вообще очень уверенным в себе человеком. Он выбрал этот путь и погиб. И теперь весь курс должен был расплачиваться за его глупый поступок...

2.

Через час на курс прибыл начальник курса, подполковник Александр Павлович Кузин. Среди ночи его подняли с постели телефонным звонком и сообщили о трагическом происшествии в подчиненном ему подразделении. Ему ничего не оставалось, как в пять часов утра двинуться на курс и начать расследование произошедших событий. Опытный человек, он понимал, что ранний подъем и прогулка в метелистую ночь – это еще только маленькая неприятность, в начале грядущего дня больших проблем. Он уже ясно представлял себе, какой переполох будет сегодня во всем училище и сколько проверяющих, расследующих, руководящих и прочих лиц побывает сегодня на подчиненном ему курсе.

Александр Павлович обладал редкостным для офицера набором качеств. Вообще-то его можно было бы охарактере-

ризовать строками из Лермонтова «Полковник наш рожден был хватом, слуга царю, отец солдатам...». Эти слова были написаны словно бы про Кузина. И хотя он был только подполковником, это замечание можно смело отместить, ведь в русской, потом советской, а теперь уже российской армии есть традиция называть подполковников полковниками.

Так вот, Александр Павлович действительно был своим курсантам как отец. Его любили, но его и уважали, а уважения курсантов завоевать нелегко. Его внимание и хорошее отношение к подчиненным позволяли людям жить достаточно вольготно и просто, насколько это вообще возможно в армии. При этом уважение к нему было таким, что было просто стыдно хоть когда-нибудь подвести его и причинить ему неприятности. В результате курс, которым командовал подполковник Кузин не раз занимал первые места в училище по сочетанию показателей в дисциплине, учебе и многих других составляющих армейской жизни.

А люди на курсе были самые разные. Были те, кто любил выпить. Были и те, кто любил побуянить и подраться. Были те, кто хронически ходил в самоволки. Те, кто не учился, потому что не мог или не хотел. Да разве перечислишь, какие люди были на курсе. И до прихода Кузина курс этот слыл одним из самых недисциплинированных и неуправляемых. Единственное, чем удавалось как-то обуздать его – постоянное давление и страх наказаний. Но все изменилось с приходом Кузина.

По чести сказать, таких офицеров, как Александр Павлович Кузин в армии вообще немного. Чаще подчинения принято добиваться через страх, нежели через уважение. Это проще, но это не дает спокойствия. Страх требует от командира постоянного напряжения, чтобы он не ослаб. Или же соответствующего состояния души, когда ощущение чужого страха позволяет подняться выше в своих глазах.

Таким был курсовой офицер 43 курса капитан Сергей Алексеевич Чернышов. Молодой, но выглядящий едва ли не юношей, этот человек с первого взгляда не производил впечатление жестокого человека. Возможно он считал жестокость своей педагогической методикой, но что не внушало никому никаких сомнений – это то, что он получал удовольствие, когда делал человеку какую-нибудь гадость. Он любил власть и любил ее настолько сильно, что на праздники, когда нормальный офицер старается любыми путями уйти от обязанности находиться на курсе ответственным, Чернышов наоборот, старался попасть на этот пост. В чем ему, конечно, никогда не отказывали. Он не мог разгуляться при старом начальнике курса, немолодом майоре, который был в чем-то сродни Кузину. Но зато когда тот уехал в академию, а произошло это предыдущей зимой, и до назначения на пост начальника курса подполковника Кузина, исполняющим обязанности был именно капитан Чернышов. Он радостно проводил дни и ночи в казарме, не давая людям никакой жизни. Он осматривал тумбочки в казарме, а после комнаты в

общежитии. За малейшее нарушение он безжалостно лишал увольнения в город. Он словно бы упивался своей властью над людьми. И все же его жизнь не была спокойной. Ответом ему была ненависть подчиненных, сдерживаемая воинской дисциплиной. Но однажды в городе, какие-то Робин Гуды дали ему в глаз в темном переулке, а кто, он даже и не видел, так как был поздний вечер. Да, впрочем, вряд ли это были его курсанты, скорее кто-нибудь из их знакомых, ведь немалая часть 43 курса состояла из местных.

3.

Подполковник Кузин, несмотря на раннее время, обосновался в канцелярии, куда моментально отправились дежурный по курсу Андрей Линева и поднятые с постели командиры Морозова. Старшина Володя Добров, заместитель командира взвода Денис Градов и командир отделения Виктор Почкин. Разбуженные среди ночи, они еще ничего толком не соображали, мучительно пытаясь переварить сообщенную им при пробуждении новость. Они прошествовали в канцелярию и дверь за ними закрылась.

Вадим остался в одиночестве. Не было речи о том, чтобы посидеть. По уставу это не положено, а уж в такое время и подавно нельзя. Вадим вышел на лестницу и прислушался. Вроде тихо. Впрочем, глупо было бы ожидать, что сейчас сюда примчится все руководство училища. Нет. Расследование начнется завтра. Кузин для того и пришел сюда, чтобы зара-

нее, до вызова на ковер к начальнику факультета, а затем и к начальнику училища, разобраться в деталях происшествия.

Вадим попытался представить, о чем сейчас разговаривают в канцелярии. Понятное дело, что шила в мешке сейчас не утаишь. То, что самоволку Мороза прикрывали все, ясно и без объяснений. И все-таки объяснения надо было давать. Формально, по уставу, все люди, собранные в канцелярии, были виноваты в том, что курсант Морозов оказался в самоволке. Но любой офицер, который хоть что-то понимал в реальной жизни, прекрасно понимал, что оказать влияние на человека, задумавшего уйти в самоволку, практически невозможно. И ладно, если человек этот из «законопослушных» курсантов, которые побаиваются неприятностей, а потому в самоволки и сами идти не горят желанием. Если только очень надо. Другое дело, такие как Мороз.

Мороз ходил в самоволки всегда и принципиально. Он словно хотел доказать всем, что он по-прежнему свободный человек и что он плевал на армию и командование. Он был лихой, грубоватый, любил поспорить и подраться. Одним словом, этакий рубаха – парень. И что для него были слова командира взвода, когда этому командиру он однажды в кухонном наряде дал по морде за то, что тот попытался заставить его таскать бачки по скользкой лестнице, вместо того, чтобы позволить ему спокойно спать на этаже. Точно так же ничего не значили для него и слова командира отделения. Старшину он уважал и выполнял его просьбы, но только

лишь потому, что Добров был изрядно старше его и учился в училище уже не в первый раз. Да и то было понятно, что уважение уважением, но даже Добров не сможет сделать так, чтобы Мороз вернулся из увольнения вовремя, если сам он желает обратного. О дежурном по курсу и говорить нечего.

Вадим прислушался. Вроде бы шаги внизу...

Но тишина стала еще звонче. Только этажом ниже кто-то закашлял. Вадим вернулся к размышлениям.

Дураку понятно, что никто, кроме самого Мороза, в трагическом происшествии не виноват. Но начальство обязательно будет искать козлов отпущения, которые и ответят за плохое состояние воинской дисциплины на 43 курсе. А может быть козлов отпущения назначать и не будут, но в том что весь курс будет подвергаться теперь бесконечным проверкам и смотрам сомнений не было. Ведь как в армии принято бороться с нарушениями воинской дисциплины?

Для начала, конечно, устроят крупный строевой смотр, на плацу, по полной программе. А это значит, что проводить его будут офицеры кафедры общевойсковых дисциплин. Придираться они будут к любой мелочи, как, например, неправильное расстояние в размещение знаков на форме, а неправильным было расположение отличающееся на миллиметр. Замечания могли быть получены из-за неправильно сориентированных пуговиц, бахромы на шинели, пятнышка на пряжке ремня и прочей несущественной, с точки зрения нормального человека, ерунды. Серьезный строевой смотр

означал, что таких замечаний на весь курс должно быть не более семи. А значит почти 120 человек, за исключением стоящих в наряде, должны быть в идеальном порядке. С первого раза это не удастся никогда, 43 курс это уже знал по собственному печальному прошлогоднему опыту. Обычно строевые смотры повторяются раз пять-шесть, с постоянным устранением недостатков. Но это крупные смотры. А еще будут подготовительные осмотры на курсе, осмотры взводов, отделений... Будут долгие воспитательные беседы и, возможно, даже запрет увольнений. Хотя в общаге-то вряд ли, но то, что рано не уйдешь, а поздно не придешь – это точно. Да и проверять теперь всех будут целый месяц, обяжут офицеров на вечерней поверке присутствовать. В общем, резюмировал Вадим, геморрой!

Ничего приятного в этом не было и лично для него. Увольнения теперь ограничат, в этом он не сомневался. Да и вообще, теперь все будет значительно сложнее. Дело в том, что Вадим тоже был не без греха. В книге увольняемых он периодически отмечал стирающейся ручкой себе увольнение не до 22.00 а до 23, исправляя цифру после прихода, специальным корректором. А это позволяло ему задерживаться у любимой девушки на целый лишний час. Теперь же все эти ухищрения грозили серьезным залетом и лишением вообще всяких выходов в город.

Вадим тяжело вздохнул и прислушался. Пока тихо...

4.

Утро целиком оправдало скверные опасения Вадима. Построение курса проходило внизу, на улице, так что сказанного на разводе он не слышал. Курс ушел и Андрей Линеv с документацией поднялся наверх. Вскоре пришел и Кузин. Едва он зашел в канцелярию, как дверь открылась и на курс вошел заместитель начальника факультета по учебной работе полковник Воронцов. Вадим крикнул «Смирно», а Линеv браво отбив три строевых шага привычно начал докладывать:

–Товарищ полковник, во время моего дежурства никаких происшествий не случилось...

–Товарищ сержант! – неожиданно прервал его Воронцов своим резким, скрипучим голосом, – Что вы мне такое тут докладываете? Что значит никаких происшествий не случилось? Или по-вашему то, что у вас курсант ушел в самоволку и погиб – это не происшествие?

Андрей сконфуженно замолчал и опустил приложенную к шапке руку.

–Это не происшествие по-вашему, товарищ дежурный? – настойчиво переспросил Воронцов и стало понятно, что просто молчанием отделаться не удастся.

–Присшествие, – выдавил из себя Линеv.

–Так что же вы тут докладываете? – опять спросил Воронцов, но, поняв, что ответа не будет, спросил – Начальник курса на месте?

–Так точно.

Кузин уже открыл дверь и вышел из канцелярии, приготовившись докладывать. Но Воронцов только махнул рукой и прошел в комнату. Дверь закрылась. Андрей обреченно опустился на стул.

–Кранты...

Вадим промолчал. Что тут говорить, если дела действительно обстояли крайне плохо.

Кузин вновь показался в дверях.

–Линев, оставь за себя дневального и зайди в канцелярию.

–Есть. – Андрей посмотрел на Вадима, – Вад, сходи Леху подними.

Вадим протопал через весь коридор к комнате, где жили Леха Коншов и покойный теперь Морозов. Комната эта была самой последней в коридоре и выходила прямехонько на балкон, до которого так и не смог добраться Мороз в эту последнюю ночь своей жизни.

Леха сидел на кровати совершенно одетый и молча смотрел на несмятую постель возле другой стены.

–Леха – позвал его Вадим.

–Ты представляешь, – Леха повернул к нему свое лицо и Вадим увидел, что он страшно бледен, – Ведь он чуть-чуть не добрался...

Вадим подошел к балконной двери и глянул наружу. Несмотря на категорический запрет открывать двери на балкон, люди, живущие в таких комнатах, прибегали к различным уловкам, чтобы двери оставались не заколоченными. В

таком случае у них была масса преимуществ. Можно было покурить, не таскаясь к урне на лестнице, можно было хорошенько проветрить комнату, а зимой, кроме всего прочего к услугам обитателей комнаты был совершенно бесплатный холодильник. Но первое, что увидел Вадим – полузанесенные снегом следы. Снег давно уже кончился и на улице сияло солнце, так что следы эти могли быть оставлены только ночью.

–Что за следы-то на балконе? – спросил Вадим.

–А, что? – Леха как будто проснулся.

Он подошел к окну и посмотрел на следы.

–Не знаю, я не выходил.

–А в комнату входил кто-нибудь ночью?

–Я откуда знаю! Я на тумбочке стоял. А потом заснул. Никого здесь не было! – Леха ни с того ни с сего разгорячился, – Да какая хрен разница, может вчера наследили!

–Чего ты горячишься? – опешил Вадим.

–Да ничего, тут такие дела, а ты заладил следы, следы...

–Ладно, извини. Пойдем, там Андрюха зовет. Воронцов пришел.

–Екарны-бабай!

–Вот – вот. Пошли.

Глава 3

1.

Линев вышел из канцелярии через полчаса. Вид у него был совершенно убитый.

–Ну чего, Андрияха? – спросил у него Вадим.

–Ничего. С наряда нас снимают. Сейчас пойдешь к нашим, замену пускай назначают, приказано их с занятий снять. А нас с ним, – Андрей кивнул в сторону Коншова, – допрашивать будут. Сейчас менты приедут. Писец, короче говоря.

–А меня не будут?

–А чего тебя допрашивать? Ты все время, когда это произошло, то ужинал, то спал уже. Так что твоя хата с краю. Повезло тебе... И на хрена я сержантом стал... – как-то уже совсем невпопад вздохнул Андрей.

Вадим сверился по расписанию, где будут занятия у их взвода и отправился в аудиторию. Училище было довольно большим. Строилось оно единым комплексом и все казармы, общежития, учебные корпуса, столовая и даже тактическое поле располагались вместе, за единым забором. От переведенных из Харькова и Краснодара курсантов, до обитателей этого военного островка доходили удивительные и будоражащие воображение слухи о том, что в этих городах училища были не едины. За забором там находились только казармы и плац, а учебные корпуса и общежития были там разбросаны по всему городу. Так что даже первокурсники не чувствовали себя обделенными в некоторой свободе.

Другое дело здесь. Огороженное в сосновом бору бетонным забором, училище было наглухо закрыто от посторонних глаз и даже курсанты старших курсов вынуждены были

миновать КПП уходя в увольнения и возвращаясь из него. Первокурсники же и вовсе не часто видели волю, ведь выпускали их в увольнение лишь в воскресенье, да и то, далеко не всегда.

Старшекурсники же и за забором не чувствовали себя достаточно спокойными. Ведь что значит КПП? Возле КПП часто дежурит патруль, возле КПП можно встретить начальство, возле КПП постоянно можно нарваться на различные неприятности. Возвращается, к примеру, пара друзей в изрядном подпитии в общагу, а тут на их пути не вовремя оказывается зам начальника училища, который вдруг замечает, что друзьям как-то уж слишком хорошо. Да и запах от них подозрительный. А поскольку употребление спиртных напитков строго – настрого запрещено, то друзья вместо теплой общаги отправляются в холодную камеру на гарнизонной гауптвахте сроком на десять суток. Таких неприятных случаев масса, а это значит, что курсанты не могут воспользоваться той свободой, которую гарантирует им регламент служебного времени.

Вадим поднялся на второй этаж корпуса «Б» и нашел на кафедре иностранных языков аудиторию, где занимался его взвод, вернее та ее половина, что изучала английский язык, потому что командир взвода был именно в ней. Вадим постучал в дверь и вошел. Все присутствующие, включая преподавателя английского языка, дружно повернулись в его сторону.

–Товарищ преподаватель, я дневальный по 43 курсу. Разрешите переговорить с сержантом Градовым, – обратился Вадим к полной женщине, сидящей за преподавательским столом.

–Переговорите, – пожала она плечами.

Денис Градов встал и спросил у нее:

–Можно в коридоре?

–Конечно...

Они вышли в коридор.

–Чего случилось-то? – хмуро спросил Денис.

Он был в плохом настроении. Его подняли среди ночи, он не выспался, да еще в его взводе погиб курсант, одним словом проблем у него было выше головы.

–Нас с наряда сняли. Леху с Андрюхой сейчас допрашивать будут, да и меня, наверное. Кузин приказал тебе замену прислать.

Денис замысловато выругался. Теперь еще и наряд заменить надо!

–Ладно, Вад, ты иди, я сейчас пришлю кого-нибудь. Вот блин, вляпались мы по самые не балуйся... А все по дурасти!

Денис вернулся в аудиторию, а Вадим отправился обратно на курс, тщательно избегая патрулей, которые рыскали по территории училища. Вообще-то, чисто теоретически, патрули назначаются для поддержания воинской дисциплины в части. На деле же это выглядит несколько иначе.

Всякий курсант, идущий по училищу без строя, всякий

строй, который чем-то не понравился начальнику патруля рассматривается как потенциальный нарушитель. Идущий без строя курсант записывается в 98% случаев, а его после лишают увольнения в воспитательных целях. И тут уже не важно, почему он оказался в одиночестве. Может быть, за литературой в библиотеку ходил. Может быть, аудиторию дежурному офицеру сдавал, а может и еще какая причина была. Главное, что он попался патрулю, который должен записать всякого встреченного на пути курсанта. Опять же неважно за что. За неправильно надетую шапку, за неправильное выполнение воинского приветствия... В общем, за то, что не свернул при виде патруля, а значит за наглость! Поэтому большинство курсантов училища старательно обходили патрули, следуя мудрому изречению: «Любая кривая вокруг начальника короче любой прямой»

Вадим тоже следовал этому правилу. Поэтому, счастливо избегнув столкновения с поборниками воинской дисциплины, он вскоре подошел к общежитию. Возле него уже стоял милицейский УАЗик.

2.

Вадима допросили, в общем-то, для проформы. Сначала следователь, в присутствии Кузина и Воронцова, допрашивал Андрея Линева, а потом Вадима и Леху Коншова. Вадим действительно почти ничего не знал, в чем честно и признался в своих показаниях. О чем рассказывал Леха, Вадим не

знал, так как на допрос их вызывали поодиночке. Когда Вадим вышел из канцелярии на курс уже прибыл для замены назначенные Градовым люди. Несмотря на то, что им выпало заменять снятый наряд, они выглядели хмурыми. А ведь заменять всегда удобно, ведь снятые с наряда после обязаны будут отстоять их наряды по графику, а им остается самое простое – ночь прошла и остался только день, до семи часов вечера. Однако, парни были явно не рады. Всем было понятно, что на курсе весь день будет торчать начальство, а это никогда не вызывает энтузиазма.

Но Вадиму не пришлось заниматься сдачей наряда. К нему подошел человек из следственной бригады и попросил показать комнату погибшего.

–Комнату? – переспросил Вадим, – Я не знаю, открыта она или нет, там парень, которого сейчас допрашивают, живет. Но пойдете, посмотрим.

Он провел следователя по коридору до конца коридора.

–Вот здесь, – Вадим толкнул дверь, которая оказалась не заперта.

Они вошли. Следователь принялся осматривать комнату. Посмотрел на книжных полках, заглянул в тумбочки и в стол. Подошел к балкону и подергал дверь.

–Она открывается?

–Да.

–Тогда придется открыть.

–Конечно, – пожал плечами Вадим.

Следователь открыл дверь. В комнату сразу пахнуло свежим морозным духом.

—Он на этот балкон лез? — следователь посмотрел на Вадима.

—Наверное, ему же надо было в комнату попасть.

—Так, посмотрим... — и следователь вышел на балкон.

Вадим все ждал, когда же он спросит про следы, ведь ему с утра они показались подозрительными. Леха же сказал, что он на балкон не выходил, а комната была закрыта. Он заглянул в балконную дверь и остолбенел. Следов не было!

Следов не было. Вернее они были, но не те, что утром. Снег на балконе был утоптан свежими отпечатками кирзовых сапог, словно весь курс утром выходил на балкон, посмотреть на место гибели Морозова. Но курс на этот балкон не выходил и это Вадим знал совершенно точно. Когда он видел эти следы, курс уже убыл на занятия, а в общежитии оставался только наряд. Так кому же надо было уничтожить эти следы?

Сзади скрипнула половица и отвлекла Вадима от его мыслей. Он оглянулся и увидел стоящего в дверях Леху.

—Что такое? — спросил он.

—Да здесь следователь комнату осматривает, попросил открыть, а здесь и не заперто было, — объяснил Вадим.

Леха прошел внутрь и сел на кровать. Вадим заметил, что он все время косится на окно, в которое был виден следователь. Тот что-то рассматривал на стене. Потом заглянул в

комнату.

–Кто здесь живет постоянно? – спросил он.

–Я. – Леха поднялся со скрипнувшей кровати.

–Выйдите, пожалуйста, на балкон.

Леха вышел. Вышел и Вадим. Следователь указал на свисающую полосу громоотвода, который шел с крыши до самой земли и был пришпилен к кирпичной стене дюбелями. В том месте, на которое указывал следователь, железная полоса была оторвана и висела свободно.

–Скажите, эта полоса металлическая всегда так болтается?

–Да нет, – медленно ответил Леха, – Она вроде прибита была...

–Значит так, – пробормотал следователь, – Похоже, он за нее ухватился, а дюбеля не выдержали. Вот и сорвался... – констатировал он.

Они вернулись в комнату. Вадим плотно прикрыл балконную дверь.

–Скажите, – следователь опять обратился к Лехе, – А вы за эти Морозовым в последнее время никаких странностей не замечали. В общении или в поведении?

–Да нет, все нормально было.

–Ну вы же понимаете, что это был довольно рискованный поступок, лезть на седьмой этаж по балконам, да еще при том, что балконы седьмого и восьмого этажа выступают над другими и ему пришлось схватиться за громоотвод. Это и

летом-то рискованно, а уж зимой... Вот я поэтому и спрашиваю, никаких странностей не было? Никаких проблем в личной жизни? Вы с ним дружили?

– Да... – Леха замолчал, словно бы слова не шли с его языка.

– Вы знаете, – вмешался Вадим, – Морозов вообще парень был рискованный и любил всякие такие вещи. Мне кажется, что он мог и без всяких проблем на это пойти. Для него это было совсем не так страшно.

– Вы согласны с такой оценкой? – следовательно посмотрел на Леху.

– Да... – проговорил тот, – Денис был лихой. Он мог...

– Хорошо, – следовательно поднялся, – Я здесь закончил, так что можно закрывать, – с этими словами он вышел в коридор.

Вадим проводил его взглядом и посмотрел на Леху.

– Следы исчезли, – сказал он.

Леха вскинул голову, словно его стегнули кнутом.

– Какие следы?

– Ну, помнишь, те, что я утром видел. Кто на балкон-то выходил?

– Я выходил. Ты понимаешь, это мои следы были, – Леха опустил глаза, – Я ночью, когда спать пошел, вышел и посмотрел вниз. Так страшно стало, как он мог ночью в мороз полезть по балконам... А потом я утром подумал, что следы увидят и подумают еще, что это я мог его... – голос Лехи

прервался, – Ну я и испугался. Вышел на балкон и утоптал все. Ну, ты ведь видел, как они допрашивают. Обязательно привязались бы. А ведь я ничего не делал. Просто посмотрел.

–Да ладно, ты не переживай так. Надо было мне утром так и сказать, а то не выходил, не выходил. Я что, не понял бы? – Вадим укоризненно посмотрел на Коншова.

–Получилось так. Как-то само с языка сорвалось...

–Ладно. Пойдем к Андрюхе, пускай скажет, что нам дальше делать.

3.

Делать им больше ничего не пришлось. По крайней мере, Вадиму. Поскольку с наряда их сняли, а идти на занятия было поздновато, Кузин велел оставаться в общежитии. Правда Линева и Коншова заставили писать объяснительные записки, где требовалось изложить события прошедшей ночи. Вадим же удалился в свою комнату, где немедленно завалился спать, пытаясь компенсировать потерянные ночью часы. Такой образ действий может показаться странным лишь тому, кто в армии не служил. Любой более-менее опытный человек поймет, что в данной ситуации такое поведение было самым правильным. Неприятности обошли Вадима стороной, с наряда он был снят и в его распоряжении имелось несколько часов свободного времени. Что же в данном случае сделает любой здравомыслящий курсант? Да конечно же завалится

спать! И это правильно, потому что часы проведенные им в наряде никто не компенсирует, а это всегда очень обидно, в особенности же тогда, когда с наряда тебя сняли днем. Ведь это значит, что наряд повторится, а четыре часа сна уже нет.

Армейский распорядок дня спланирован так, что каждому человеку в сутки дается восемь часов сна. Тем не менее, курсанты спят всегда и везде, где это только возможно. Они спят на лекциях и практических занятиях, на самоподготовке и воспитательной работе, за столом наряда и даже на посту в карауле, хоть это и запрещается совершенно категорически. Спящего курсанта в училище можно обнаружить в самых неожиданных местах. Например, в остове стоящего на тактическом поле БТРа, куда в летние дни убегают с самоподготовки любители побездельничать. Можно обнаружить спящих курсантов в подсобных помещениях столовой, на раздаточных точках, в мойке, где их ноги, обутые в кирзовые сапоги смутно виднеются в клубах пара. Что уж и говорить о таких заповедных местах, как каптерка или комната в общежитии! Да и вообще, вряд ли даже возможно перечислить те места, куда может завести курсанта для отдыха его изошренный ум.

Объясняется же эта почти патологическая страсть ко сну довольно просто. Во-первых, далеко не всем хватает рассчитанных учеными восьми часов. Во-вторых, не так-то просто уснуть, например, в казарме, где и после отбоя продолжается активная жизнь, снуют люди, пьют водку, смотрят теле-

визор. И галдят, пусть и не слишком громко, но надоедливо. Правда, привыкший человек и под этот гомон засыпает моментально, если, конечно, не принимает участия в вышеописанных мероприятиях. Затем – наряды. Они, как уже было сказано, не компенсируются. Здесь же и караулы. Здесь же и физическое утомление и просто усталость. А поскольку усталость, в отличие от отдыха, имеет свойство накапливаться, то постепенно человеку становится необходимо спать все больше и больше. Чем он, собственно, и занимается в любую свободную минуту. Еще сложнее на старших курсах. Вставать курсанты вынуждены так же рано, но ложатся они гораздо позже, ведь они уже относительно свободны, а значит могут вполне законно не спать до полуночи. А местные вообще живут дома и часто шляются в компании друзей до глубокой ночи. Но ведь спать-то все равно хочется! Вот и спят будущие офицеры везде, где только представляется хоть малейшая возможность, зачастую рискуя быть застигнутыми преподавателями или офицерами.

Спал и Вадим, далекий сейчас от таких размышлений и логических выводов. У него была трудная ночь и сон властно наложил руку на его лицо, смежив отяжелевшие веки и погружив тело в сладостную дремоту из которой, впрочем, ставший за годы службы чуткими слух и подсознательное чувство могли вырвать его в любую секунду...

Два дня начальство ничего не сообщало, предоставив личному составу курса вариться в слухах, словно в собственном соку. Воображение сильно подогревал вид окровавленного льда на углу общежития. Рассказывали разное. Например, что Мороз обкурился и полез по балконам ничего не соображая. Другие говорили, что он наоборот был совершенно трезв и никакой не обкуранный, а просто любил рискнуть, рискнул и в этот раз. Третьи утверждали, что у него поехала крыша и на этой почве он вообразил себя альпинистом. Причем последние доверительно сообщали, что эта информация случайно была подслушана в канцелярии, куда время от времени наведывался следователь. Впрочем, о подслушанном разговоре говорили почти все, чтобы они не утверждали, так что в конце концов стало непонятно, не то все они вралли, не то в канцелярии разговаривали не вполне здоровые люди.

На третий день, вечером, подполковник Кузин собрал весь курс в большой аудитории, в которой обычно проводилась воспитательная работа. Обычно долгий галдеж в этот раз улегся практически мгновенно и аудитория погрузилась в тишину, так что казалось даже, что муха пролетит – и то все услышат. Кузин обвел взглядом замерших за столами курсантов.

–Вы все знаете, что три дня назад, ночью произошел несчастный случай. Курсант Морозов пытался залезть по балконам на седьмой этаж, сорвался и разбился насмерть. Сейчас я сообщу вам результаты экспертизы и выводы след-

ствия, которое на сегодняшний день уже закончено, чтобы вы не разносили по училищу и городу разные необоснованные слухи. Значит так, Морозов был в состоянии алкогольного опьянения, но не слишком сильного, так что по балконам он полез вполне осознанно. Следующее. Поскольку балкон на уровне седьмого этажа несколько выдается, ему пришлось схватиться за металлическую полосу громоотвода, проходящую в полуметре от балконов. Полоса под его тяжестью, видимо, оторвалась от стены и он сорвался. Смерть была не мгновенной, но полученные при падении повреждения были несовместимы с жизнью...

Кузин помолчал, с минуту оглядывая притихшую аудиторию.

– Я много раз говорил вам, товарищи курсанты, – продолжил он, поправив очки, – что свои проблемы вы должны решать через меня. Если бы Морозов, опоздав из увольнения, обратился бы ко мне, он был бы наказан, но был бы жив. Он предпочел другой путь... А кроме того, наш курс не выглядел бы сейчас в глазах всего училища оплотом нарушения дисциплины. Кроме того, что погиб человек, вскрылось множество других нарушений. Отсутствие Морозова на вечерней поверке не было зафиксировано. Более того, все должностные лица знали о его отсутствии, но не приняли никаких мер. Как еще, по-вашему, это может истолковать командование? В общем так. По нашему курсу приняты следующие решения. Первое – на месяц запрещаются все увольнения,

за исключением местных, да и то лишь потому, что им негде спать в общежитии. Второе – каждый вечер на вечерней проверке будет присутствовать проверяющий и пересчитывать всех по головам. Ну и третье – естественно, будет проведен строевой смотр силами кафедры ОВД и проверка общежития офицерами с этой кафедры. Проверки будут проводиться до полного устранения недостатков. Ну не вам объяснять, короче говоря! Начальник училища хотел также отчислить Линева, но мне и командованию факультета удалось его отстоять на том основании, что он хорошист и дисциплинированный курсант. Однако он снимается с должности командира отделения и лишается сержантского звания.

Кузин еще раз оглядел курс.

–Теперь нам предстоит снова доказывать, что курс у нас нормальный. И все из-за глупости и высокого самомнения отдельных личностей. Старшина!

Добров поднялся из-за стола.

–Стройте курс!

Кузин повернулся и вышел из аудитории. За ним потянулись остальные.

Глава 4

1.

Прошло две недели. О ночной трагедии стали понемногу забывать не только в училище, но и на курсе. Так всегда бывает, когда трагедия не коснется нас лично. Ужас случив-

шегоса поражает лишь в первые минуты, часы, дни после трагедии. Немного позже потрясение меркнет и повседневная действительность, с ее делами, тревогами, волнениями и радостями постепенно начинает затягивать своей пеленой трагизм прошедших событий. Очень скоро только кровавое пятно на застывшем под февральскими морозами льду еще напоминало о том, что здесь закончил жизнь совсем еще молодой человек. А впрочем, пятно это в конце концов занесло белым пушистым снегом, который немного позже слежался и покрылся под солнцем толстой ледяной коркой. Этот сугроб словно символизировал собой человеческую память, которая может приспособиться к любой ситуации, покрыть любую катастрофу пеленой забвения и коркой забытья.

Морозы не спадали. Почти каждую ночь ветер злобно свистал за стенами и окнами общежитий, казарм, учебных корпусов, расшвыривая замерзшее снежное крошево. Змеилась поземка, а сугробы становились все выше и выше. Каждое утро, еще затемно, из казарм и общежитий, поеживаясь в своих холодных шинелях и нехотя матерясь на лепящий в лицо снег, выходили уборщики территории. Те, у которых были скребки, принимались сначала неохотно, но по ходу дела все более распаяясь и злясь соскребать снег с плаца, площадок и дорожек, сгоняя его к бордюрам. Очень скоро им становилось уже не холодно, а даже жарко и некоторые расстегивали шинели. Другие швыряли здоровенными деревянными лопатами снег на двухметровую высоту ежеднев-

но подрастающего сугроба. Кто-то долбил по стенам сугроба лопатой, выравнивая его, придавая ему известную квадратность, так услаждающую начальничий взгляд. Впрочем, квадратных сугробов уже не получалось, слишком уж высоки они были, и сугробы выглядели как подрезанные сбоку конусы. Несколько человек из каждой команды разбрасывали по льду песочные дорожки.

Снега в феврале было так много, что выделенные команды уже не справлялись, так что даже приходилось иной раз выгонять на работу весь взвод. Бывало не только утром, но даже и вечером. И во всем этом люди чувствовали какую-то бесполезность, ведь скоро должна была начаться весна, а эти огромные сугробы долго не будут таять и значит придется карабкаться на их вершины и раскидывать плотный слежавшийся снег по дорогам и площадкам. А когда растает последний лед и высохнет вода, необходимо будет смести и убрать с асфальта весь песок, который так старательно разбрасывали всю долгую зиму. Все это бесконечно злило курсантов 43 курса, измученных бесконечными строевыми смотрами, заждавшихся окончания «карантина», в течение которого их не выпускали в город.

А до окончания карантина оставалось еще почти две недели. Да и строевые смотры не прекращались, потому что каждый раз проверяющие находили что-нибудь недоделанным. Причем была в их действиях затейливая изощренность. Так, начав с осмотра повседневной формы одежды, а именно:

хэбэшки, шинелей, шапок, сапог, портянок и знаков различия; они постепенно перешли к осмотру всего перечисленного, вкуче со средствами защиты, то есть ОЗК (общевоинской защитный комплект – для защиты от химического оружия) и противогазами. А поскольку, как уже упоминалось, даже отступление пушек на воротнике или букв «К» на погонах даже на несколько миллиметров уже считалось неисправимым на месте недостатком, замечаний набиралось каждый раз вполне достаточно, чтобы назначить следующий строевой смотр. Очередной должен был состояться в этот день.

В этот день Вадим болел. Нет, у него была не простуда и не грипп, хотя некоторое сходство в ощущениях наблюдалось. Так, к примеру, у него было ужасно сухо в горле, а нос был заложен, хотя и не так сильно, как при простуде. Кроме того, у него ломило все тело и ужасно кружилась голова. Да еще и желудок предательски пытался отправить всю залитую в него с утра воду наружу. Остается добавить, что рот был наполнен каким-то отвратительным привкусом и каждый, кто хоть раз бывал в похожем состоянии, без труда поймет, что Вадим мучился с ужасного похмелья.

Спору нет, вечер прошел чрезвычайно весело. Сначала долго решали, кому отправиться за водкой. Пропуска не выдавали, но выпить очень хотелось. Да и все было готово: целая сковорода ароматной жареной картошки по рецепту Шурика, поджаренное же мясо, целый килограмм которого при-

волокли младшие товарищи Женьки Ларина, третьего жильца 717 комнаты, отстоявшие в кухонном наряде. На столе также присутствовали кетчуп, хлеб и банка превосходных соленых огурчиков, привезенная Шуриком из зимнего отпуска. Почему-то решили, что ее надо уничтожить именно в этот день. В конце концов, за водкой пошел Вадим. Выбравшись через дырку в заборе на территорию прилегавших к училищному забору гаражей, он кружными путями добрался до заветного магазинчика, где приобрел две поллитровки с тремя богатырями на этикетке. Затем, тем же путем вернулся обратно.

Поначалу все шло хорошо. Выкушав обе бутылки, трое друзей почувствовали как проблемы отступили на задний план, что телу стало легко и приятно, а в голове наблюдается легкая пустота. И все было бы неплохо, но тут в комнату забрел Макс Подошвин, тоже слегка навеселе, и предложил продолжить пиршество, благо еда еще оставалась. И продолжили...

Вадим помнил, как Макс сходил за водкой еще раз, как пригласили Витьку Повозкина и всех из его комнаты. Кто-то принес еще водки. Чуть позже, правда это Вадим помнил уже смутно, Витька играл на гитаре и пел эстрадные песни, потому что был известным на все училище артистом. А в комнату поминутно заглядывал дежурный по курсу и, мученическими глазами вглядываясь в наполненный сигаретным дымом полумрак, просил не шуметь так громко, потому как

время уже приближалось к полуночи. Потом Вадим отключился. Очнулся он уже нынешним утром, за пятнадцать минут до построения, обнаружив себя лежащим в трусах и свитере поверх не расправленной кровати. Ему было плохо и ничего не хотелось. А впереди был строевой смотр.

2.

Сперва был училищный развод на занятия. Заключался он в том, что все подразделения училища, включая кафедры, выстраивались на плацу, перед трибуной. Потом происходила церемония встречи начальника училища или его зама, которые и проводили развод. Далее следовали доклады начальников факультетов о личном составе, и долгие речи, которые обожал говорить начальник училища – генерал-майор Сидоров. В свое время он закончил Рижское политическое училище, был профессором философии и психологии, членом-корреспондентом каких-то там академий наук и имел еще множество ученых титулов. Речь его отличалась гладкостью и несомненным ораторским искусством, так как он мог свободно говорить сколь угодно долго на любую тему. Нельзя сказать, что вся выстроившаяся на плацу аудитория слушала его с удовольствием. Особенно в летнюю жару, когда спину и сапоги нещадно разогревало солнце, и в зимнюю стужу, когда те же сапоги превращались в сдавливающие ноги ледяные колодки. Кроме разговоров и длительных речей Сидоров имел и еще одну страсть – любовь к организа-

ции праздников и всевозможных мероприятий. Из-за этого пристрастия начальника училища, личный состав неизменно принимал участие в общегородских празднованиях Дня победы и Дня города. Торжественно обставлялись выпуск и присяга. К каждому празднованию училище готовилось очень старательно, проводились длительные тренировки и слаживание подразделений. А на 9 Мая Сидоров обязательно устраивал показательное исполнение сборки из различных песен военных лет хором всего училища под военный оркестр, на главном стадионе города. Выглядело это очень внушительно, но было трудно для офицеров и курсантов, вынужденных бесконечно распеваться каждый день в течение трех недель до праздника.

Вот и сегодня настроение у Сидорова было неплохое. А это означало, что речь его будет долгой и пространной. Генерал-майор говорил о необходимости всемерно поддерживать и соблюдать воинскую дисциплину, чтобы не случилось таких событий, какие произошли совсем недавно на 43 курсе. Про то, что надо учиться, учиться и еще раз учиться. Про то, что настоящий солдат не должен мерзнуть даже в такую метель, как сейчас (после этого генерал приказал всему училищу попрыгать на месте в течение пяти минут, чтобы разогреть застывшие ноги). Далее, под аккомпанемент не слышимого на трибуне мата, он повел речь о важности службы в вооруженных силах, рассказал международную обстановку и сделал глубокомысленный вывод о важности армии вооб-

ще и данного конкретного училища в частности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.